Дежурство / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Дежурство / рассказ ДЕЖУРСТВО

Татьяна раздвинула шторы на окне и залюбовалась открывшейся панорамой. Дом стоял на крутом берегу, с высоты пятого этажа хорошо просматривалась пойма реки. Осенью её вода издалека казалась чёрной, хотя вблизи была совершенно прозрачна, на дне видно каждый камушек. Первый ночной морозец окрасил кустарник по берегам в такие яркие цвета, что рябит в глазах. Бабье лето, дни стоят тёплые, ясные, воздух напоен особым запахом увядающей листвы. Любили они в эту пору совершать семейные походы на природу. На Большом острове среди малиновых кустов черёмухи и алого боярышника, увешанных гроздями ягод, пряталось заветное местечко – ровная поляна, на которой удобно играть в бадминтон, гонять мяч. Муж разжигал костёр, ловил рыбу. Счастливая дочка носилась по пожелтевшей траве, то помогала накрывать нехитрый стол, то мешала отцу громкими, победными криками при виде любой пойманной рыбёшки. Жаль, что на этот раз поездка сорвалась, муж задержался в командировке.
– Мама, папа приехал?
Тёплая со сна дочка прижалась к боку, привстала на цыпочки, пытаясь разглядеть во дворе машину отца.
– Нет, зайка, он недавно позвонил, сказал, что пробудет на работе ещё неделю.
– Целую неделю! – разочарованно протянула Оля. – Мама, а папа нас любит?
– Конечно, любит. А почему ты спрашиваешь? – пытливо глядя на неё, поинтересовалась Татьяна.
– Павлик вчера сильно плакал в садике, его папа ушёл жить к другой тётеньке. Мама, Павлик думает, что папа его разлюбил. А разве можно разлюбить ребенков? – девочка замолчала, о чём-то размышляя.
– Не переживай, Пашин папа скоро поймёт, что детей разлюбить невозможно. А твой папулечка нас любит, и никогда так не

поступит. Иди, кушай, а то в садик опоздаем, – поглядывая на часы, поторопила она дочь.
– У тебя же сегодня выходной и ты обещала, что мы пойдём гулять.
– Так получилось, меня попросили в отделении поработать.
– Мам, может я с тобой? Не хочу в садик, – попросилась Оля.
– Не выдумывай. Поиграешь в группе с ребятами, а потом тебя заберёт тётя Вера. Ночуешь у неё. Завтра куда-нибудь сходим.
– Работа, работа, мамочка, я же совсем тебя не вижу, у тёти Веры не интересно, и Аленка всё время капризничает, а тётя Вера говорит, что я должна её развлекать, – промолвила девочка, уставившись на мать большими серыми глазами, заблестевшими от непролитых слёз.
– Маленькая, моя! – Татьяна порывисто прижала дочку к груди. – Пойми, ну некому заменить Женю, вот мы и дежурим все по очереди. Скоро папа приедет, ты не будешь одна.
– Я хочу с тобой, – упрямо наклонив голову, произнесла Оля. – Ты завтра до обеда будешь спать, а потом стирку затеешь.
– Не затею, я же слово дала, – поцеловав девочку в тёплую макушку, проговорила она. – Но и ты должна дать мне обещание, что не будешь сегодня плакать. Хорошо?
– Хорошо, – горько вздохнув, произнесла та.
Они спустились во двор. Погода была чудесной. Татьяна искренне пожалела, что вместо прогулки на природу, она будет вынуждена сутки пребывать в больничных стенах.
– Мама, листья на дубе стали совсем, совсем жёлтые, – остановившись напротив росшего во дворе тополя, и пытаясь разглядеть его макушку, сказала Оля.
– Это не дуб, это тополь, – объяснила мама, поправив дочке яркую шапочку, сползшую на затылок.
– А почему он тогда такой огромный?
– Потому, что очень старый.
– Он самый большой в городе?
– Наверно. Вон наша маршрутка, побежали, а то опоздаем.
«Какое благо, что детский сад рядом с остановкой. Из-за Олиных капризов я всегда опаздываю. Только бы сегодня она не устроила концерт», – косясь на дочь, размышляла Татьяна, торопливо

шагая к воротам садика.
— Здравствуйте, Юлия Андреевна!
— Здравствуйте Татьяна Васильевна! Ой, какие мы сегодня нарядные! Оля это кто тебе такую курточку купил? — ласково улыбаясь, присела перед девочкой воспитательница, отвлекая её внимание. Но Оля была настороже, и заигрывания Юлии Андреевны не имели успеха. Громкий, обиженный плач дочери ещё долго звучал в ушах Татьяны.
На работу она опоздала. В раздевалке никого не было. Переодевшись, поправила перед зеркалом накрахмаленный колпачок и торопливо пошла в ординаторскую. Планёрка уже закончилась, все расходились по рабочим местам.
— Ты чего опоздала? — вынырнув из-за белых халатов, спросила Людмила.
— Олю с трудом уговорила пойти в садик. Бедные наши дети! Вот скажи Люда, ради чего мы здесь обитаем сутками, у меня дочка у друзей и родственников растёт, совсем ребёнок заброшен!
— Тренёва, вы чего так кричите? — остановилась возле них зав. отделением хирургии.
— Да надоело мне всё, Валентина Романовна! Вчера, только в конце рабочего дня узнала про дежурство. Марина Сергеевна удружила. Воспользовалась тем, что я отказать не могу.
— Танечка! Ты же знаешь ситуацию. Одна в отпуске, второй муж не разрешает, Женя заболела, Мария Сергеевна не может в ночь, сердце.
— У всех проблемы, кроме меня! — сердито всплеснув руками, возмутилась Татьяна.
— Ну, чего ты завелась? Как будто в первый раз. — Встряла в разговор Людмила. — Всё равно уже пришла, а мне домой пора, устала за сутки. Пошли, я тебе больных передам.
Татьяна зашла в сестринскую, взяла папки с листами назначений и пошла следом за ней.
— Тебе повезло. Нина Артёмовна вышла на работу, не одна будешь дежурить, с санитарочкой. Тяжёлых почти нет, — закончив обход палат, передав наркотики и документацию, успокаивала сменщицу Людмила.
— По дереву постучи, а то накаркаешь, сейчас тихо, а через час

привезут какого-нибудь, и света белого не увидишь, – перебила её Татьяна. – В приёмном покое кто из врачей дежурит?
– Новенькая какая-то, кажется терапевт.
– Ну вот, значит, все небольшие раны самой придётся обрабатывать. Не буду же я хирургов по мелочам из дома дёргать.
– Добренькая ты у нас, – съязвила Люда, – а я вызываю. Они за дежурства на дому получают, пусть отрабатывают.
– Ты, кажется, домой торопилась, иди, мне надо работать.
День шёл как по расписанию. Капельницы, уколы, таблетки, перевязки. В одиннадцать часов Нина Артёмовна домыв полы в палатах, позвала в сестринскую попить чайку.
– Слышала, Васильевна, девочку в приёмное привезли, машиной сбило, – наливая вторую чашку чая, сообщила санитарка.
– У нас в первой палате места ещё есть?
– Есть одно. Только девочку-то не откачали. Померла бедная.
Сердце неожиданно сжало. Заплаканное лицо Олюшки встало перед глазами.
– Ты чего Татьяна Васильевна побледнела?
– Так, не выспалась. А сколько лет ребёнку?
– Маленькая, шесть лет. И куда только матери смотрят. Я своих парней пока не вырастила, дома сидела.
– У меня дочка сейчас в садике, – словно оправдываясь, произнесла Татьяна. – А родители знают?
– Знают, – вздохнула Нина Артёмовна. – Мать так убивалась подле доченьки-то, волосы на себе рвала. А не вернёшь уже.
«Сидит тут, смакует чужое горе», – Татьяна взглянула с раздражением на санитарку.
– Нина Артёмовна, не забудьте, сегодня нужно обработать процедурную, – что бы не сорваться, напомнила она.
– Я помню Васильевна, сейчас обедом больных накормлю, посуду помою и займусь.
«И чего я на неё взъелась? Нормальная тётка, исполнительная, – шагая по коридору, размышляла Татьяна. – Юля чего-то не отвечает, недоступна. Наверное, деток уложила, и телефон отключила, хотя рано ещё, даже обеда не было». – Ноги сами принесли в приемный покой. Там стояла тишина. Пахло

корвалолом. Её однокурсница Настя наклонившись низко над столом, писала в журнале. Она села на кушетку напротив.
— Чего пришла? — не поднимая головы, спросила та.
— Девочку унесли уже?
— Унесли. Всё-то отойти не могу. Уйду я Таня с этой работы. Сердце не выносит.
— Это ты каплями отпивалась?
— Сначала мать её поила, потом сама, когда все ушли. Оля-то твоя сегодня с кем?
— Сейчас в саду, потом сестра мужа заберёт.
— А бабушки?
— Бабушки к нам не едут. У них своя жизнь. А Ольгу я им не отдаю, считаю, что детей должны воспитывать родители.
— При нашей нагрузке много мы их воспитаем, трудимся по двадцать четыре часа в сутки.
— Согласна, только выбора у нас нет. Поднимись в отделение, все койки заняты, и каждому нужно моё участие.
— Не знаю, голубушка, что и ответить тебе. У этой девочки мать тоже на работе была, а она шла со школы одна, некому было встретить.
— День какой-то сегодня… Пойду я, — поднимаясь с кушетки промолвила Татьяна.
Она машинально выполняла привычную работу, а из головы не выходили слова Насти. Телефон Юли по-прежнему молчал.
«Может у неё села батарейка, — успокаивала Татьяна себя. — Завтра же куплю Оле телефон, давно просит, и я буду знать, что с ней». Взглянула на часы, время приближалось к трём, — «Скоро Вера заберёт Олю, и как всегда позвонит мне», — подумала с облегчением. Но телефон зазвонил раньше. На дисплее высветился номер Юли.
Из трубки донеслось рыдание. Чтобы не упасть, она нащупала дрожащей рукой кушетку и осторожно села.
— Таня, ты можешь приехать? — словно сквозь вату донёсся до неё голос воспитательницы.
— Она жива? — с трудом сглотнув сухой комок в горле, спросила Татьяна.
— Я не знаю где Оля! Мы ищем уже несколько часов, милицию

вызвали. Приезжай! – голос в трубке замолчал.
– Доченька, родная моя, только бы с тобой ничего не случилось. Олюшка, я брошу эту работу, только бы ничего с тобой не случилось, – шептала Татьяна, торопливо шагая к раздевалке, срывая на ходу халат.
– Татьяна Васильевна! Вы куда! – Вывел её из внезапно обрушившейся, страшной тишины голос Нины Артёмовны.
– Оля исчезла, – прошептала она побелевшими губами, – Нина Артёмовна, я в садик, а вы вызовите Валентину Романовну.
– Куда вы в таком состоянии? Сейчас в приёмный покой спустимся, машину попросим, чтоб отвезла вас, – заботливо беря её под руку, произнесла санитарочка, и бережно, как больную повела к выходу. Настя без лишних расспросов вызвала машину.
– Да не убивайтесь вы так Васильевна, может, подъедите сейчас к садику, а её уже отыскали, она же у вас вон какая егоза. А за больных не беспокойтесь. Мы с Анастасией Николаевной досмотрим за ними, и Романовну вызовем, – приговаривала Нина Артёмовна, подсаживая в машину, враз ослабевшую Татьяну.
Возле ворот детсада стоял милицейский уазик. Воспитатели и заведующая по домам не расходились. Заметив выбравшуюся из машины скорой помощи Татьяну, навстречу к ней бросилась Вера.
– Нашли? – оглядев с надеждой толпу народа, спросила Татьяна.
– Нет, ищем, – вместо Веры ответила подошедшая к ним Юля.
– Как ты могла не заметить, что она ушла?! – накинулась на неё Татьяна, не выдержав и сорвавшись на крик.
– Группа гуляла во дворе. В дальнем углу поссорились два мальчика. Мы с нянечкой успокаивали их. Когда дети пошли в помещение, выяснилось, что Оля, Сережа и Павлик исчезли. Ворота были закрыты на задвижку. Как они сумели её отодвинуть, никто не видел. Родители мальчиков на берегу реки, милиция тоже ищет.
– Ты хочешь сказать, что они ушли к воде?
– Я не знаю! Но около садика мы всё обыскали, их нет нигде. Пойдём в группу.
– Принеси лучше стул, если можно, – попросила Татьяна.
«Это я виновата! Мне не надо было бросать её одну. Олюшка устала от одиночества. Маленькая моя, где же ты!?» Перед

глазами страшной картиной проносились все ужасы, что видела по телевизору и на работе. «Господи! Спаси и сохрани её! Она такая маленькая, меня покарай, а её спаси!» – взмолилась она и, всхлипывая, прижала к глазам скомканную в руке медицинскую шапочку, которую как сняла, так и не выпускала из рук.

– Таня, попей воды, на тебе лица нет, – промолвила Вера.

Она выпила воду, руки мелко дрожали, и зубы стучали о край стакана. Глубоко вздохнула, подавив рвущиеся из груди рыдания.

– Татьяна Васильевна, у вас есть предположение, куда могли пойти дети? – спросил подошедший к ним мужчина, вероятно следователь.

– У меня сегодня суточное дежурство. Муж в командировке. Она просилась со мной на работу, в садик ушла со слезами. Возможно, они отправились в сторону больницы, что бы найти меня. Оля, Серёжа и Павлик друзья, мальчики, скорее всего, пошли её сопровождать. Вы будете их искать? Можно я поеду с вами?

– Можно. Пойдёмте в машину, – пригласил следователь.

Они обследовали местность вокруг больницы, потом проехали по соседним улицам, детей не было нигде. Темнело. Ужас ледяной коркой затягивал сердце. «А если я её не найду?» – она не хотела об этом думать, но страшный вопрос снова и снова стучал в голове. «Самый дорогой, самый родной человечек живёт со мной рядом, просит внимания, а у меня всегда не хватает время поиграть с ней, рассказать сказку, покатать на санках, просто посмотреть вместе телевизор, поговорить. Я бы жизнь свою отдала сейчас чтобы всё изменить. А зачем она мне эта жизнь, без Олюшки?»

– Татьяна Васильевна! Татьяна Васильевна! – тормошил её за рукав следователь. – Мы у вашего дома, нужно посмотреть, может они вернулись домой.

– Да, да, пойдёмте! – со вспыхнувшей надеждой она торопливо выбралась из машины, и почти бегом направилась во двор.

В сером сумраке у дверей подъезда маячили три фигурки.

– Оля! Олечка! – крикнула она, не веря своему счастью, и бросилась к обсыпанной чем-то белым и пушистым дочке.

– Мамочка! Прости меня! Я так хотела тебя увидеть.

— У тебя ничего не болит? Тебя никто не обидел? Доченька, радость моя! Я никогда больше не оставлю тебя одну.
Они долго не могли успокоиться и поверить в счастье, что снова обрели друг друга. Вечером вымытая, накормленная Оля, забравшись к маме под одеяло, рассказывала о своих приключениях. Как она плакала и никак не могла успокоиться. Юлия Андреевна ушла, оставив её одну. Только Серёжа и Павлик сидели рядом и никуда не уходили. Потом Павлик сказал, что надо найти её маму и объяснить, что Оля не может больше без неё жить.
— Мы нашли лестницу, на которой нянечка Полина мыла окна на веранде, подтащили её к воротам, открыли задвижку, потом снова поставили лестницу на место, и вышли. Потом сели в маршрутное такси и поехали к тебе, но дядя шофёр, когда узнал, что мы едем одни, сильно рассердился, сказал, что не позволит нам кататься на его машине и велел выходить. Мы плакали и говорили, что едем искать маму, но он не поверил. Тогда мы пошли пешком. Солнышко стало садиться за гору, мы посоветовались и решили вернуться домой, так как мальчиков могли потерять родители, но заблудились.
— А как вы нашли дом?
— Я увидела наш тополь, он махал нам ветками, и мы пошли к нему, никуда не сворачивая. А потом я увидела наш дом, а потом подъехала машина и я увидела тебя.
— А чем это ты была обсыпана? — Прижимая дочку к себе, спросила мама.
— Мы вышли к реке, когда искали дорогу домой, там росли высокие дудки с коричневыми шариками. Сережа сорвал шарик, а он в его руках распушились, и тогда мальчишки стали обсыпать меня пухом, и говорить что я принцесса из сказки. Мама я же, правда, принцесса?
— Ты у меня самая, присамая, настоящая принцесса. Ты моё солнышко, — счастливо улыбаясь, Татьяна обняла дочку.
— А папа скоро приедет? Я так хочу, чтобы мы все были вместе, и пошли на нашу поляну.
— Скоро, доченька, скоро, и мы обязательно поедем на остров.
— Мам можно я сегодня буду спать с тобой?

— Можно.
— А ты завтра на работу не пойдёшь?
— Нет. Спи зайка, я теперь всегда буду с тобой.
— Слово даёшь? — совсем сонно спросила Олюшка.
— Даю, спи.
В понедельник Татьяна зашла в кабинет зав. отделением с листком бумаги в руках.
— Всё-таки решила уйти? — устало глядя на неё, спросила Валентина Романовна.
— Решила. После всего пережитого, я на минуту боюсь оставить её одну, — словно оправдываясь, промолвила Татьяна и положила заявление на стол.
Доктор из окна кабинета смотрела, как по больничному парку, взявшись за руки, весело шагали трое счастливых людей.
«Как же мало надо маленькому человечку, всего лишь, чтобы папа и мама были рядом» — улыбаясь, думала она.

© Галина БЕЛОМЕСТНОВА. Hekaýalar